

ТРАНСЦЕНДЕНЦИЯ И ТРАНСГРЕССИЯ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, в рамках проекта проведения научных исследований: «Комплексное исследование трансгрессии как сущностной характеристики современной социально-культурной реальности» (проект № 15-33-01222).

Научный дискурс характеризуется направленностью на подчинение всех способов бытия единой перспективе. Для научного дискурса в качестве такой перспективы выступает объективный мир. Содержанием объективного мира является фиксированное в своей определенности сущее, отсылающее к инвариантным структурам – законам. Аспекты существования, выходящие за рамки данных инвариантных структур, образуют сферу негативного другого и лишаются статуса реальности.

Ключевые слова: научный дискурс; трансценденция; трансгрессия; объективный мир.

В настоящей статье центральное внимание уделяется проблеме взаимоотношения научного дискурса с такими основополагающими категориями онтологии, как трансценденция и трансгрессия. При этом следует подчеркнуть, что мы рассматриваем не столько науку как вид познавательной деятельности или как социальный институт, сколько специфический способ конституирования бытийно-смысловых перспектив, который осуществляется посредством научного дискурса. Онтологическая проблематика является приоритетной для настоящего исследования. Вместе с тем мы стремимся дистанцироваться не только от постпозитивистской парадигмы, но и от фундаментально-онтологических изысканий М. Хайдеггера. А именно: мы видим свою основную задачу в том, чтобы сместить акцент онтологического исследования науки с хайдеггеровского бытия как такового на перспективизм Ф. Ницше. Трансценденция и трансгрессия рассматриваются нами не как обнаружения бытия самого по себе, но как самостоятельные перспективы смыслообразования и существования. Научный дискурс является тем онтологическим пространством, в котором названные перспективы определенным способом разворачиваются в конфигурации смыслов и способов существования.

Наука представляет собой один из глобализирующих дискурсов, т.е. дискурсов, направленных на интеграцию в свою сферу всех разнородных способов бытия с их частными дискурсами и конституирование единой бытийной сферы – объективной реальности. Наука стоит в одном ряду с такими глобализирующими дискурсами, как право, экономика и техника. Названным дискурсам присуща направленность на тотальный охват всех бытийных областей и приведение их к единому знаменателю. Ничто не должно ускользать от власти науки, права, экономики и техники: ни природа, ни культура, ни общество, ни повседневность. Всё сущее, каковым бы оно ни было, должно быть переработано глобализирующими дискурсами, должно пройти сквозь них, как через онтологические фильтры, чтобы стать элементом единой и универсальной сферы бытия, организованной на единых принципах. То, что уходит от их власти, не получает статуса реально сущего.

В историческом плане глобализирующие дискурсы выявились достаточно давно – со времен древних

цивилизаций, но в полной мере их интенции начали раскрываться только к началу Нового времени и развернулись во всем спектре лишь в Новейшем. Столь длительный период их созревания объясняется тем, что в течение продолжительного промежутка времени глобализирующие дискурсы встречали мощное сопротивление со стороны религиозного метадискурса. Последний не характеризуется направленностью на конституирование единого пространства *объективной* реальности (за исключением случаев перехода в глобализирующий дискурс, например, когда религия срачивается с государственной властью), но, напротив, нивелирует *посюстороннюю* реальность как заведомо неистинную: достаточно вспомнить основные положения буддизма или христианства.

Однако к Новому времени роль религиозного метадискурса стала заметно ослабевать, а в Новейшем стал утрачивать свое значение и философский трансценденатлистский метадискурс. Ж.-Ф. Лиотар охарактеризовал данную ситуацию как утрату доверия к метанарративам [1]. Поэтому только в XX в. стали возможны большая политика, большая экономика, большая наука и большая техника – мегамашина, как сказал бы Л. Мэмфорд. Или, как отмечает В.И. Вернадский: «И как раз в это время, к началу XX в., проявилась в ясной реальной форме возможная для создания единства человечества сила – *научная мысль*, переживающая небывалый взрыв творчества. Это – сила геологического характера, подготовленная миллиардами лет в истории биосферы. Она выявилась впервые в истории человечества в новой форме, с одной стороны, в форме *логической обязательности и логической непрерывности* ее основных достижений и, во-вторых, в форме *вселенскости* – в охвате ею всей биосферы, всего человечества, в создании новой стадии ее организованности – ноосферы. Научная мысль впервые выявляется как сила, создающая ноосферу, с характером стихийного процесса» [2. С. 500].

Наука стала планетарным явлением или раскрылась в качестве глобализирующего дискурса. У нас до сих пор нет всеобщей мифологии, религии или философии, несмотря на тысячелетнее существование последних, но уже сейчас есть единая для всех наука и техника, которые непрестанно распространяют свою власть на остающиеся еще не затронутыми ими бы-

тийно-смысловые пространства. Развитие науки и техники влечет за собой возможность единого права и единой экономики, которые, в свою очередь, создадут основу для еще более мощного научно-технического прогресса. На эту сущностную характеристику науки также указывает М. Хайдеггер: «Как и искусство, наука не есть просто культурное занятие человека. Наука – способ, притом решающий, каким для нас предстает все, что есть. Мы должны поэтому сказать: действительность, внутри которой движется и пытается оставаться сегодняшний человек, все больше определяется тем, что называют западноевропейской наукой. Вглядываясь в это обстоятельство, мы обнаруживаем, что в западной части мира на протяжении веков ее истории наука развернула нигде более на земле не встречающееся могущество и идет к тому, чтобы в конце концов наложить свою власть на весь земной шар» [3. С. 239].

Итак, наука представляет собой не один из видов познавательной или социальной деятельности, существующий наряду с другими, но мощнейший глоболизирующий дискурс, определяющий способ бытия и смысл всего сущего и конституирующий соответствующее этому способу и смыслу единое бытийно-смысловое пространство объективной реальности. Это пространство может быть определено как сфера *объективного* или сфера объектности. Любое сущее в этой сфере становится фиксированным, статичным и самоидентифицируемым, строго отграниченным от любого другого сущего, так же привязанного к своей самоидентифицирующей определенности. Тождество одерживает верх над различием и становлением, фиксированная определенность – над неопределенностью как возможностью свободного перехода границ различных определенностей. Трансценденция окончательно утверждает свое превосходство над трансгрессией. Таким путем – путем элиминирования трансгрессии – сущее становится объективным, оно становится *объектом*.

Утверждение, что научная объектность сконституирована дискурсом, не означает, что сфера объективной реальности представляет собой только мысль, лишь субъективный способ восприятия некоей самой по себе сущей действительности. Материальный, интерсубъективный и принудительный характер объективной реальности нисколько не отменяется фактом ее дискурсивной определенности. Однако эта реальность не существует как нечто, отделенное и независимое от своего смысла, но образует неразрывное единство существования, значения и значимости. Отсюда следует, что смысл не привносится в реальность дискурсом как чисто субъективной и идеальной инстанцией. Дискурсы не субъективны и не объективны, не идеальны и не материальны, но представляют собой пространство бытийно-смысловой определенности, в котором только и могут быть выделены названные оппозиции. С учетом сказанного возможный упрек в субъективизме и солипсизме снимается как исходящий из заведомо неадекватных по отношению к настоящему исследованию установок. В свою очередь, вера в существование самостоятельной объективной реальности характерна только для грубых

форм материализма, представляющих собой другую крайность по отношению к субъективизму.

На конструктивный характер научной объектности указывали многие мыслители различных направлений. Одним из первых и наиболее значимых в этом плане был И. Кант, вслед за ним – И.Г. Фихте, Ф.В.Й. Шеллинг и Г.В.Ф. Гегель. Эту же тенденцию мы обнаруживаем в учениях А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, затем Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, Ж.П. Сартра, П. Рикера. Далее, в другом ключе конструктивный характер научной объектности был раскрыт в постпозитивизме (И. Лакатос, Т. Кун, П. Фейерабенд, В.С. Степин), структурализме и постструктурализме (особенно Г. Башляр и М. Фуко), социальном конструктивизме (П. Бурдьё).

Раскрытие сферы фиксированной себестождественной объектности представляет собой фундаментальное событие конституирования объективного мира. Этому фундаментальному событию коррелятивно другое, не менее фундаментальное событие – конституирование человеческого бытия в качестве субъекта. Так же как объективность не является изначальным и единственным способом существования сущего, так и субъективность не представляет собой единственный и основной способ бытия человека. Противопоставленность субъекта объекту есть лишь одна из возможных бытийно-смысловых перспектив, которая устанавливается в пространстве соответствующих дискурсов, а не существует изначально как некая данность. Задолго до постструктуралистов и конструктивистов этот факт был выявлен Гегелем. Вот как он характеризует становление субъект-объектной модели: «Душа приобретает господство над своей *природной индивидуальностью*, над своей *телесностью*, низводит эту последнюю до подчиненного ей *средства* и выбрасывает *из себя* не принадлежащее к ее телесности содержание своей субстанциальной тотальности в качестве мира *объективного*. Достигнув этой цели, душа выступает в абстрактной свободе своего “я” и становится *сознанием*» [4. С. 131–132]. Здесь проявляется преимущество Гегеля перед Кантом. Кант, а вместе с ним и Гуссерль, признают конструктивность только объективного мира, но гипостазировать субъект и сознание в качестве основополагающих источников этого конституирования. Тем самым оба мыслителя утверждают радикальный субъективизм: постулирование трансцендентных вещей-в-себе или гилетического материала есть лишь неудачная попытка уйти от справедливых обвинений в субъективизме. У Гегеля, напротив, не только объективный мир, но и субъект и сознание есть результат конституирования. И то и другое представляют собой в его учении лишь моменты, которые устанавливаются и в дальнейшем должны быть сняты. Следовательно, нет никакого трансцендентального субъекта и сознания (субъективизм), как нет и объективного мира самого по себе (материализм). И то и другое есть лишь конструкции дискурса, который начинает формироваться только в Новом времени.

Противопоставленность субъекта объективному миру составляет основное условие для возникновения

научного дискурса. Фиксированный себестождественный объект вместе с таким же субъектом являются важнейшими компонентами этого дискурса.

Сказанное выше характеризует, прежде всего, классическую науку – неклассическую и постнеклассическую в данной статье мы не рассматриваем. Классическая наука изначально базируется на трансценденции и всеми силами стремится подавить трансгрессию. Еще с Античности на стадии своего латентного существования в лоне философии она была движима поиском вечных и неизменных законов, лежащих в основании текучего и изменяющегося мира. Сфера объективности конституируется посредством трансцендирования любых бытийных сфер по направлению к объективному миру и к *законам* этого мира. Это означает, что объективированное сущее является трансцендентным по отношению к необъективным сферам бытия, но сохраняет имманентность по отношению к миру вообще, модифицированному в объективный мир, на фоне которого оно проявляется в качестве объекта.

Только объективный мир, только объективированное сущее могут получить статус реальности. Это означает, что такой феномен, как реальность, есть прерогативная сфера науки, что именно с раскрытием научного дискурса нечто такое, как реальность, впервые становится возможным в человеческом бытии.

Следует еще раз подчеркнуть, что под реальностью в данном случае понимается не совокупность всего сущего, изначально наличествующая в качестве первичной данности (наивный онтологизм). Объективная реальность есть специфическая, ограниченная жесткими рамками научного дискурса бытийная сфера. Все, что не соответствует этому дискурсу, не может раскрываться в рамках этого специфического пространства бытия. Бытийные сферы мифа, религии и искусства представляют примеры того, как бытие и сущее могут раскрываться не из перспективы объективной реальности.

Одновременно с раскрытием пространства реальности происходит конституирование негативного Другого – того, что не соответствует базовым интенциям научного дискурса и должно поэтому быть раскрыто в качестве второго члена оппозиции «реальное – нереальное». На это указывает Лиотар: «Научное задается вопросом о законности нарративных высказываний и констатирует, что они никогда не подчиняются аргументам и доказательствам. Оно относит их к другой ментальности: дикой, примитивной, недоразвитой, отсталой, отчужденной, основанной на мнении, обычаях, авторитете, предубеждениях, незнании, идеологии. Рассказы являются вымыслами, мифами, легендами, годными для женщин и детей» [1. С. 73].

Задумавшись, что не подчиняется аргументам и доказательствам в перспективе классического научного дискурса? То же, что признавалось иллюзией элеатами, – всё то, что не поддается приведению к устойчивости и упорядоченности, что ускользает от фиксации смысла. Именно трансгрессия элиминируется из пространства реальности научного дискурса и получает

статус нереального. Классическая наука идет по стопам метафизики, подчиняя трансгрессию трансценденции и превращая её в негатив последней. У В.С. Стёпина мы находим самое непосредственное подтверждение этого тезиса в предлагаемой им характеристики специфики зрелой науки: «Для перехода к собственно научной стадии необходим был особый способ мышления (виденья мира), который допускал бы взгляд на существующие ситуации бытия, включая ситуации социального общения и деятельности, как на одно из возможных проявлений сущности (законов) мира, способной реализоваться в различных формах, в том числе весьма отличных от уже осуществившихся» [5. С. 60].

Взгляд на существующие ситуации бытия как на одно из возможных проявлений *сущности* мира – это классическая метафизическая установка, восходящая к Пармениду и Платону. В научном дискурсе место сущности занимает закон (Стёпин употребляет его в скобках как синоним сущности), который по своей сути остаётся трансцендентным первоначалом. Итак, многообразие форм и способов бытия сводится к единому закону-сущности как к своему основанию. Это означает, что в классической науке так же, как и в метафизике, становление и различие (трансгрессия) подчиняются бытию и тождеству (трансценденции). Еще в древности Парменидом была выявлена связь между бытием, тождеством и трансценденцией: бытие, полагаемое как высшее тождество, как то, что всегда остается равным себе и не знает никаких изменений, оказывается недоступным чувственному восприятию. В свою очередь, Гераклит одним из первых представил становление и различие в качестве основополагающего принципа мироздания.

Разоблачение метафизического характера науки осуществляет Ф. Ницше: «Нет никакого сомнения, что правдивый человек, в том отважном и последнем смысле слова, каким предполагает его вера в науку, *утверждает тем самым некий иной мир*, нежели мир жизни, природы и истории; и коль скоро он утверждает этот иной мир... не должен ли он как раз тем самым отрицать его антипод – *наш мир*? <...> Наша вера в науку покоится на *метафизической вере*... даже мы, познающие нынче, мы безбожники и антиметафизики, берем *наш* огонь все еще из того пожара, который разожгла тысячелетняя вера, та христианская вера, которая была также верою Платона, – вера в то, что Бог есть истина, что истина божественна» [6. С. 661–662]. В XX столетии отголоски этой метафизической веры проявятся в концепции «третьего мира» К. Поппера и в учении В.И. Вернадского о ноосфере.

Таким образом, специфика научного дискурса состоит в установлении бытийно-смысловой перспективы *объективной реальности*. Конституируемое научным дискурсом пространство объективной реальности, в качестве основания которого полагается трансцендентная объективность (законы как аналоги метафизических сущностей), представляет собой эффект этого дискурса, так же как и противопоставленный объективному миру субъект. Поскольку классическая наука направлена на элиминацию перспективы транс-

грессии, постольку она обращается к трансценденции, а вместе с ней – и к традиционной метафизической структуре, которая в научном дискурсе модифицируется показанным выше образом. Формальное отличие научного дискурса от метафизики в чистом виде состоит в том, что свои умозрительные конструкции (трансцендентную объектность) наука должна доказывать путем непосредственной репрезентации в объективном мире (т.е. эмпирически). Но это различие является сугубо формальным и не отменяет тот факт, что в своем классическом варианте научный дискурс остается модификацией метафизики.

В сказке Экзюпери главный герой попадает на планету к некоему деловому человеку, занятому подсчётом звёзд:

– *Так что же ты делаешь со всеми этими звездами?* <...>

– *Ничего не делаю. Я ими владею.*

– *Владеешь звездами?*

– *Да.* <...>

– *А для чего тебе владеть звездами?*

– *Чтоб быть богатым.*

– *А для чего быть богатым?*

– *Чтобы покупать еще новые звезды, если их кто-нибудь откроет.* <...>

– *И что же ты с ними делаешь?*

– *Распоряжаюсь ими, – ответил делец, – Считаю их и пересчитываю. Это очень трудно. Но я человек серьезный.*

Однако Маленькому принцу этого было мало.

– *Если у меня есть шелковый платок, я могу повязать его вокруг шеи и унести с собой, – сказал он. – Если у меня есть цветок, я могу его сорвать и унести с собой. А ты ведь не можешь забрать звезды!*

– *Нет, но я могу положить их в банк.*

– *Как это?*

– *А так: пишу на бумажке, сколько у меня звезд.*

Потом кладу эту бумажку в ящик и запираю его на ключ.

– *И все?*

– *Этого довольно.*

Этот отрывок позволяет в наиболее простой и наглядной форме проиллюстрировать фундаментальные черты научного дискурса.

1. Исчисляющая объективация сущего. Только то, что исчислено, принято в расчет, как сказал бы Хайдеггер, обладает статусом реального, несомненно. Мы предлагаем сравнить фрагмент из «Маленького принца» с передоложенным В.И. Вернадским понятием «научный аппарат», под которым он подразумевает «комплекс количественно или качественно точно выраженных тел или природных явлений» [2. С. 504]. Далее: «Научный аппарат целиком проникнут и держится всё улучшающимися и углубляющимися систематизацией и методикой исследования. Этим путём наука охватывает и запечатлевает для будущего со всё ускоряющимся темпом ежегодно миллионы новых фактов и на их основе создаёт множество крупных и мелких эмпирических обобщений. Ни научные теории, ни гипотезы не входят, несмотря на их значение в текущей научной работе, в эту основ-

ную и решающую часть научного знания» [2. С. 538]. Деловой человек из сказки как раз занят пополнением научного аппарата «миллионами новых фактов», он производит количественно точно выраженные тела – исчисленные им звёзды. Характерно, что для делового человека значение имеет только точное число, а не то, к чему оно относится. Звёзды без числового выражения не могут быть включены в научный аппарат, стало быть, не имеют значения для научного дискурса. Сколь сильно отличаются эти объективированные физические тела от звёздного неба, приводившего в восхищение размышляющего о моральном законе Канта!

2. Исчисляющая объективация как владение. То, что подчинено научному дискурсу посредством исчисляющего раскрытия, то, тем самым, находится во владении, в распоряжении исчисляющего субъекта, который не имеет никакого другого доступа к сущему. Исчисление здесь – не простая математическая операция, но акт присвоения, осуществления власти. Деловой человек владеет звёздами, потому что он их подсчитал – поставил на учёт.

3. Владение как накопление про запас, имеющее в виду не непосредственное применение в актуальной практике, но исключительно приращение власти, накопление ради возможности накопления, ради накопляемости. Характерная формулировка: «*Ничего не делаю. Я ими владею*» – владение не есть делание, но накопление про запас, постанова в состояние готовности [7]. В.И. Вернадский: «Научный аппарат, т.е. непрерывно идущая систематизация и методологическая обработка, и согласно ей описание, возможно, полное и наиболее точное всех явлений естественных тел реальности, является в действительности основной частью научного знания. Он должен непрерывно расти с ходом времени и изменяться, отмечать и сохранять, как научная память человечества, всё кругом нас происходящее, должен всё больше углубляться в прошлое планеты, в её жизнь прежде всего, научно отмечать меняющуюся картину космоса – для нас – звёздного неба» [2. С. 59]. В этом описании чётко и открыто показана основная функция научного аппарата – тотальная власть над всем сущим (даже над тем, что было в прошлом) и накопление всего сущего («всё кругом нас происходящее») – непрерывно растущее и не знающее предела своей экспансии.

Научный дискурс по своим сущностным характеристикам и структурной организации конституируется на основе перспективы трансценденции. Установка на поиск вечных и неизменных сущностей (законов) и предельных оснований (субстанций) характерна для классического варианта этого дискурса не в меньшей степени, чем для метафизики. Эта базовая установка дополняется ориентацией на элиминацию перспективы трансгрессии из конституируемого научным дискурсом пространства объективной реальности. Благодаря сочетанию этих двух тенденций – утверждение трансценденции и отрицание трансгрессии – классический вариант научного дискурса раскрывает бытийно-смысловую перспективу фиксированной определенности в качестве фундаментального критерия

реальности. Трансгрессия получает статус второго члена структурной оппозиции «реальное – нереальное». Только в неклассическом и постнеклассическом варианте (наиболее ярко – в физике микромира и в синергетической парадигме) осуществляется экстраполяция перспективы трансгрессии на сферу объективной реальности. Фиксированная определенность растворяется в потоке становления и преобразования самоорганизующихся систем, превращается в момент, существующий между точками бифуркаций.

Таким образом, трансгрессия интегрируется в пространство научного дискурса на содержательном уровне, что характеризует отличительную особенность современного этапа развития науки. При этом сам научный дискурс продолжает функционировать в

трансценденталистском режиме, сохраняя фундаментальную установку на выстраивание универсальной перспективы, охватывающей все уровни существования (проект создания «единой теории всего сущего» актуален и для современной физики). Научный дискурс переходит в трансгрессивный режим лишь в ситуациях криза или тяготения в направлении сближения с философским дискурсом. Оба случая являются своеобразной зоной несовпадения научного дискурса с самим собой, бифуркацией, выводящей данный дискурс из равновесия и нарушающей границы конституируемой им определенности. На этом основании можно сделать заключение, что трансгрессивный режим не характерен для науки даже в ее современном варианте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М. : Алетейя, 1998. 160 с.
2. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление // Избранные труды. М. : РОССПЭН, 2010. 744 с.
3. Хайдеггер М. Наука и осмысление // Время и бытие. М. : Республика, 1993. С. 238–253.
4. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3 : Философия духа. М. : Мысль, 1977. 471 с.
5. Стёпин В.С. Теоретическое знание. М. : Прогресс-Традиция, 2003. 744 с.
6. Ницше Ф. Веселая наука (la gaia scienza) // Сочинения : в 2 т. М. : РИПОЛ КЛАССИК, 1998. Т. 1. С. 489–717.
7. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Время и бытие. М. : Республика, 1993. С. 221–238.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 25 марта 2015 г.

TRANSCENDENCE AND TRANSGRESSION IN SCIENTIFIC DISCOURSE

Tomsk State University Journal, 2015, 395, 67–71. DOI: 10.17223/15617793/395/10

Faritov Vyacheslav T. Ulyanovsk State Technical University (Ulyanovsk, Russian Federation). E-mail: vfar@mail.ru

Keywords: scientific discourse; transcendence; transgression; objective world.

Science is one of the globalizing discourses. Discourses of this type focus on intention to integrate diverse ways of existence into its sphere and to constitute an integrated existential sphere – objective reality. Science is not one of the types of cognitive or social activities, but the most powerful globalizing discourse that defines the way of being and the meaning of all things, and constitutes the integrated space of objective reality. Any things existent in this area become fixed, static and self-identical, strictly delimited from any other things existent. Transcendence finally asserts its superiority over transgression. In this way (by way of elimination of transgression), things become objective. The content of the objective world is things existent, fixed in their certainty, referring to invariant structures – laws. Simultaneously with the opening of the space of reality, there occurs a constitution of a negative Other that does not correspond to the basic intentions of scientific discourse and, therefore, should be disclosed as a second member of the “real – unreal” opposition. The specificity of scientific discourse is to establish the perspective of objective reality. Produced by scientific discourse, the space of objective reality is the effect of this discourse. Classical science aims to eliminate the perspective of transgression and is characterized by the assertion of transcendence. Therefore, scientific discourse bases on the standard metaphysical model. This model assumes the denial of formation and difference (transgression) and the assertion of being and identity (transcendence). The difference between scientific discourse and metaphysics in its pure form is that science must prove its speculative constructions by direct representation in the objective world (empirically). But this distinction is purely formal and does not negate the fact that in its classic version scientific discourse is a modification of metaphysics. Transgression becomes integrated into the space of scientific discourse at the level of content. It characterizes the distinctive feature of the present stage of science development. In this case, scientific discourse itself continues to operate in the mode of transcendence. Scientific discourse retains the fundamental orientation on the formation of a universal perspective which covers all levels of existence (the project of creating a “unified theory of everything” is relevant for modern physics). Scientific discourse enters transgression only in crisis situations. In this case, scientific discourse is unbalanced. Borders of its constituted certainty are violated. Fixed certainty dissolves in the flow of formation and transformation of self-organizing systems, transforms into a moment that exists between the points of bifurcation.

REFERENCES

1. Lyotard J.-F. *Sostoyanie postmoderna* [The postmodern condition]. Translated from French. Moscow: Aleteyya Publ., 1998. 160 p.
2. Vernadskiy V.I. *Izbrannyye trudy* [Selected Works]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2010. 744 p.
3. Heidegger M. *Vremya i bytie* [Time and Being]. Translated from German. Moscow: Respublika Publ., 1993, pp. 238–253.
4. Hegel G.W.F. *Entsiklopediya filosofskikh nauk* [Encyclopedia of Philosophy]. Translated from German. Moscow: Mysl' Publ., 1977. V. 3, 471 p.
5. Stepin V.S. *Teoreticheskoe znanie* [Theoretical knowledge]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2003. 744 p.
6. Nietzsche F. *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 v.]. Translated from German. Moscow: RIPOL KLASSIK Publ., 1998. V. 1, pp. 489–717.
7. Heidegger M. *Vremya i bytie* [Time and Being]. Translated from German. Moscow: Respublika Publ., 1993, pp. pp. 221–238.

Received: 25 March 2015